

тально легитимных для своих граждан и тотально суверенных в защите их национальных интересов.

Война 1914 г. глубоко изменила мировой порядок. На первом, внешнем, уровне она перетасовала карту Европы, создав новые государства: Польшу, Чехословакию, Югославию; она расчленила Османскую империю. Она породила СССР, который преобразил всю международную политику XX в. Центр экономической власти переместился из Лондона в Нью-Йорк, ставший кредитором всего мира: кризис 1929 г. это продемонстрировал.

Но на более глубоком уровне война поставила под вопрос абсолютный суверенитет государств. Государство частично связано с войной, поскольку оно – единственный судья, принимающий решения о национальном интересе и о средствах его соблюдения. Желание, чтобы война не повторилась, привело к необходимости ограничить этот суверенитет. Отсюда идея сообщества наций, межгосударственной инстанции для разрешения конфликтов. Автор отмечает ее успехи и неудачи, прежде всего то, что Вторая мировая война все же была. Она имела те же последствия, что и Первая, но на этот раз привела к возобновлению строительства международного порядка во главе с ООН, однако с новой амбицией, порожденной ужасами геноцида. Отныне речь шла о том, чтобы ограничить суверенитет государств не только в их отношениях с другими государствами, но и в отношении собственных подданных: это Всеобщая Декларация прав человека (1948). Создание объединенной Европы является реализацией на региональном уровне этого проекта умиротворения. На смену веку национальностей приходит век прав человека.

Годовщина 1914 г. дает возможность еще раз поразмыслить над легитимностью государства и ее пределами, заключает автор, поскольку именно Великая война поставила под вопрос абсолютный суверенитет государств, ее породивших (002, с. 144).

Т.М. Фадеева

2014.03.003. ДЖОНС Х. К СТОЛЕТИЮ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ В ИСТОРИОГРАФИИ.

JONES H. As the centenary approaches: The regeneration of First world war historiography // Historical j. – Cambridge, 2013. – Vol. 56. – P. 857–878: [Электронный ресурс]. – Mode of access: <http://journals>.

cambridge.org/abstract_S0018246X13000216. DOI:10.1017/S0018246X13000216

Ключевые слова: 100-летие Первой мировой войны; происхождение войны; историография.

В статье Х. Джонс (Лондонская школа экономических и политических исследований, Великобритания) рассматриваются новые интерпретации основных тем и новые подходы к изучению Первой мировой войны.

В современной историографии Первой мировой войны, подчеркивает Х. Джонс, можно выделить две тенденции: 1) изменение акцентов в изучении Июльского кризиса: теперь основное внимание уделяется краткосрочным решениям, принятым незадолго до июля 1914 г. (традиционно изучались долгосрочные причины); 2) пересмотр старых аргументов о неизбежности мировой войны. Оба эти направления показывают, в какой степени традиционные политические историографические подходы продолжают доминировать в дискуссиях о происхождении войны, продолжает автор, хотя в последнее время подобные исследования ведутся совместно с историей международных отношений, культурной историей общественного мнения, историей ментальности.

Историки иначе оценивают роль и степень ответственности разных стран в Июльском кризисе. В работах некоторых авторов (С. Вильямсон-мл., Э. Мэй) утверждается, что Австро-Венгрия решила начать войну с Сербией после Сараевского убийства, а давление со стороны Берлина не играло решающей роли, как это считали раньше. Таким образом, оспорен тезис, высказанный немецким историком Ф. Фишером в начале 1960-х годов, что «Берлин подталкивал Вену к войне» (цит. по: с. 858) и развернута дискуссия о роли Германии в развязывании войны. Историки обсуждают, была ли сознательная поддержка Германией Австро-Венгрии тем импульсом, который сыграл решающую роль в обострении ситуации на Балканах и в Европе? Могла ли Германия ограничить воинственные настроения Австро-Венгрии? Известно, что Берлин был прекрасно осведомлен об опасности эскалации ситуации в Европе, но идут споры о том, действительно ли немцы хотели обострить ситуацию, или это была дипломатическая игра? Быть может, они надеялись, что война будет локализована на Балканах?

В работе историка Дж. Рёля подчеркивается, что Германия сознательно планировала начало войны. Другой исследователь, М. Хьюитсон, считает, что немецкие лидеры хотели развязать войну, потому что надеялись быстро победить. В обстоятельной работе К. Кларка, вышедшей в 2012 г., утверждается, что невозможно определить степень вины одной или группы стран в развязывании военных действий. Поэтому К. Кларк рассматривает «...серию взаимосвязанных событий, которые подтолкнули европейскую дипломатию к совокупности определенных решений перед и во время Июльского кризиса 1914 г...» (с. 860). Следуя новейшим тенденциям историографии, автор особое внимание уделяет балканским источникам войны (Сербскому кризису и Балканским войнам). Он подробно описывает, как убийство эрцгерцога в Сараеве встряхнуло международную политическую систему и изменило политической ландшафт.

Среди работ по военной истории Х. Джонс выделяет исследования, посвященные причинам и источникам побед стран Антанты. В книге У. Филпота битва на Сомме рассматривается как переломный момент войны, обеспечивший победу союзников. Особо подчеркивается вклад британской армии, которая, несмотря на первые поражения, смогла быстро мобилизоваться и изменить тактику и стратегию боевых действий. Было две битвы на Сомме в 1916 г., пишет У. Филпот, внезапный шок от наступления в начале июля – последняя трагедия старого стиля военных действий и совместное наступление нескольких армий в начале сентября – первое проявление современного искусства боя. В исследовании Э. Гринхэл, основанном на материалах английских и французских архивов, проводится мысль, что именно скоординированные действия британской и французской армий в 1917–1918 гг. стали залогом победы. Очевидно, замечает Х. Джонс, что пока еще историки не пришли к единому мнению о причинах и источниках победы.

Военные историки представляют новый взгляд на формирование образа военачальника в средствах массовой информации, общественном мнении и в армейской среде. Книга Анны фон дер Гольц о П. фон Гинденбурге, пишет Х. Джонс, не просто биография, а исследование того, как тот превратился в мифологического героя. Это был сложный процесс взаимодействий между фельдмаршалом и немецким народом, пишет А. фон дер Гольц. П. фон Гинденбург

стал национальным героем после Восточно-Прусской операции. Миф о нем пережил войну и развивался с течением времени. Различные политические группы от социал-демократов до нацистов, каждая в своих целях, содействовали такому мифотворчеству. «Это исследование показывает Гинденбурга как активно действующего политического манипулятора, создающего и укрепляющего свой культовый статус; таким образом оспаривается распространенное мнение о фельдмаршале как о безвольном и аполитичном деятеле» (с. 865).

Одна из болезненных тем военной истории – степень ответственности командиров за масштабы человеческих потерь. Довольно распространено мнение, особенно это свойственно британской историографии, замечает автор, о военачальниках как о «безжалостных расточителях человеческих ресурсов» (с. 863). В последние годы вышло несколько работ, показывающих иную картину. Например, Г. Шеффилд оспаривает традиционную точку зрения на английского командующего Дугласа Хейга. По мнению автора, историки неправильно трактовали его действия. Битвы на изнурение противника были для него единственной возможностью в условиях оборонительной войны. Г. Шеффилд подчеркивает, что Д. Хейг был вынужден действовать в тех условиях, которые были навязаны противником, и показывает его готовность осваивать и использовать последние достижения военной техники, например танки.

К сожалению, отмечает Х. Джонс, европейские историки мало внимания уделяют военачальникам стран Антанты. Французские генералы, за исключением Ф. Фоша, уже давно не являются «субъектами исследований». Вероятно, это симптом того, что французская военная история с 1960-х годов переживает спад. Австралийцы и англичане гораздо больше занимаются военно-биографическими исследованиями, чем их континентальные коллеги.

Новые сведения и интересные факты приводятся в работах историков, изучающих, как переносили невзгоды военной жизни воины и гражданское население. А. Уотсон исследует, как поддерживались моральный дух и боеспособность в армиях противников – британской и немецкой. Он пишет, что выносливость была нормой военной жизни, большинство мужчин были хорошо приспособлены к войне, нервные срывы были редкостью. Особое внимание автор уделяет роли младших офицеров по поддержанию боевого духа

солдат обеих армий. Важную роль играли материальные факторы, обеспечение условий жизни, поставки боеприпасов, снаряжения, продуктов питания. Это сравнительное исследование, пишет Х. Джонс, показывает, что стратегии мотивации и выносливости военнослужащих были схожими и в германских, и в британских войсках.

В работах французских и немецких историков в последние годы большое внимание уделяется изучению военной дисциплины как основного фактора, который заставлял людей сражаться, замечает Х. Джонс. Вероятно, предполагает она, это связано с тем, что во французских и немецких войсках гораздо чаще были случаи массовых мятежей и капитуляций, чем в британской армии. Например, французский историк Э. Сент-Фюссен отмечает, что дисциплина французской армии в 1914 г. была крайне строгой, но при ее нарушениях тяготы окопной жизни часто учитывали как смягчающее обстоятельство. Некоторые командиры считали, что ослабление дисциплины стало одной из причин мятежа в 1917 г. – уменьшился страх наказания.

Историки пересматривают отношение гражданского населения к войне. Дж. Верхей, тщательно изучив данные общественного мнения в Германии накануне войны, показал, что энтузиазм по поводу войны не был всеобщим. Войну приветствовали студенты и часть молодых мужчин, преимущественно жители городов, представители среднего класса; рабочие и крестьяне в большинстве своем не поддерживали военных настроений. Новые работы британских ученых также пошатнули миф о всеобщем энтузиазме, представители тред-юнионов и религиозных организаций выступали против войны.

Культурные, сравнительные и междисциплинарные исследования последних лет помогли найти новые ответы на ключевые проблемы историографии Первой мировой войны. Но, считает Х. Джонс, можно обозначить еще несколько направлений исследований. Тема союзнической и немецкой оккупации активно разрабатывается во французской и бельгийской историографии; есть интересные исследования, освещающие новые факты и подробности австро-венгерской оккупации Сербии.

С темой оккупации неразрывно связано насилие в разных его проявлениях: насилие в отношении гражданских лиц в военное

время; влияние войны на рост насилия; культурные аспекты насилия. Х. Джонс полагает, что необходимо также исследовать насилие в период Балканских войн, геноцид армян в Османской империи, насилие против военнопленных.

Еще одна относительно новая и интересная тема – межэтнические отношения. Современные историки стали изучать участие в войне африканских и сенегальских войск; сравнивать отношение к военнопленным разных наций, задумались о расовых проблемах в среде военнослужащих колониальных войск.

Перспективным автор считает изучение таких тем, как сравнительное изучение организации военно-медицинской службы в армиях разных стран; отношение к инвалидам; способы лечения и реабилитации раненых и контуженных.

Ю.В. Дунаева

2014.03.004. ЭНГЛУНД П. ВОСТОРГ И БОЛЬ СРАЖЕНИЯ: ПЕРВАЯ МИРОВАЯ В 211 ЭПИЗОДАХ / Пер. со швед. – М.: Астрель: CORPUS, 2013. – 640 с.

Ключевые слова: Первая мировая война; дневники и воспоминания.

Книга Петера Энглунда, постоянного секретаря Шведской академии наук, председателя жюри Нобелевской премии по литературе, о Первой мировой войне переведена почти на 30 языков. В основу книги автор положил дневники и воспоминания участников событий Первой мировой. Большинство из них простые люди, как, например, Рафаэль де Ногалист, пылкий латиноамериканец, искатель приключений, от услуг которого отказались все армии, кроме османской; датский пацифист Крестен Андерсен, мобилизованный в немецкую армию; многодетная американка Лаура де Турчинович, бывшая замужем за польским аристократом и проводившая лето в имении в Польше; Флоренс Фармборо, англичанка, сестра милосердия в русской армии; Олива Кинг – австралийка, приехавшая на своем грузовике в Сербию, чтобы служить в армии шофером, и многие другие – всего 19 человек – и каждый из них пишет о той войне, которая выпала на его долю. «Меня интересовали не столько факты, сколько люди, – отмечает в разделе “К читателю” Петер Энглунд, – не столько хроника, сколько впечатле-